

«Немой рыцарь»

оннианис. Начало на 3-й стр.)

Набожности, сословного и религиозного ханжества, гордыни и тщеславия. Нелюбимый супруг умер, но молодая вдова и помыслить не может о другом мужчине. Она должна проводить жизнь в постоянных бдениях и молитвах. Так велит святая римская церковь, так диктует закон общества, к которому она принадлежит.

А что если она встретит на своем пути достойного и искренне, горячо (пусть даже втайне, не открываясь) его полюбит? Нет, это исключено! Надо гнать прочь эти бесовские, нечестивые мысли. Не то — возмездие на том свете! Так повелевает церковь!

Вот эта внутренняя борьба между внешней набожностью, отрешением от мирских дел и рвущейся к счастью жизнью, между религиозным мраком и светом хорошо передается актрисой в образе благочестивой итальянки. И пусть она не произносит никаких разоблачительных по отношению к римской церкви слов, вся линия ее поведения, побеждающая, отбрасывающая все предрассудки жизнь полюбившей бесстрашного рыцаря женщины резко критикует живые, ханжеские догмы церкви, наносит им чувствительный урон. В этом большой социальный подтекст образа Селии, донесенный до зрителей талантливей актрисой.

Если в первом акте в Селии борются, не находя еще выхода, два начала, то во II акте любовь, земная

жизнь уже безраздельно побеждают в ней. Ради любви, своего чувства она готова пренебречь всей своей сословной гордыней, пойти на «унижение» — первой признаться в любви наказанному ею так жестоко рыцарю Агарди. Но ее тщеславие отомщено: рыцарь «онемел», ей грозит казнь. Третий акт — сцена в тюрьме — апофеоз любви всепобеждающего и готового на любые жертвы любящего человеческого сердца. Эту сцену К. Ветковская ведет с большим романтическим подъемом, темпераментно, убедительно.

Удачным нужно признать и образ Петера Агарди, созданный артистом Л. Снежниковым. Актер прекрасно держится на сцене, весомо читает стихотворный текст, выразительно проводит немую мимическую сцену во II акте. На первых спектаклях актеру в I-ом действии не доставало страстности, одухотворенности, движения его были несколько скованны. Трудно представить, чтобы такого человека могла полюбить Селия.

Матяш, король венгров, в пьесе не несет какой-либо большой идейной нагрузки. Он просто влюбленный в свою королеву властелин, грозный, но справедливый правитель. Засл. арт. РСФСР В. Ярчевский сделал все возможное, чтобы небольшой по размеру текстовый материал был донесен до зрителей весомо, король был не отвлеченной схемой, а живым человеком, со своими страстями, порывами слабости. Хитроумную королеву Беатриче, умеющую ловко пользоваться слабостями супруга легко, грациозно сыграла в спектакле артистка Е. Пешнина.

Небольшие, но правдивые реали-

стические характеры создали Л. Лобушко (Джанетта), А. Махаева (Монна Меа), В. Касьянов (Марцио Галеотто) Шугу короля Тибери — А. Богданову явно не хватает шутливой «изюминки»: шут на сцене смеется, а зрителям в зале не смешно.

В пьесе имеется несколько традиционная для западноевропейского комедийного театра пара — пройдохаслуга и умная наперсница-служанка. Эта пара — представители народа: оруженосец Агарди — Белпо и служанка Селии — Карлотта Они сыграны С. Асватуровым и А. Пахомовой задорно, весело.

Постановщиками спектакля (режиссер Л. Вольфсон) проделана большая творческая работа. Режиссерские купюры из пьесы сделаны очень продуманно: выявляя главное, они способствуют ускорению развития действия компактности его. Очень хороша вставленная в I акт мандолинная серенада, которую исполняет певец за сценой. Отлична работа декоратора — главного художника театра М. Пирогова Броско, экономно, с хорошим вкусом и соответствием стилю эпохи выполнены декорации всех трех актов, особенно I, 3 и 7 картин.

Эпиграфом к аннотированной программе спектакля «Немой рыцарь» стояли слова великого русского драматурга А. Н. Островского, имя которого носит Костромской драматический театр: «Искусство единит и роднит народы». С этими словами на устах и в сердце покидали театр зрители старинного русского города, города на Волге, воды которой пробили в наш век путь к Черному морю, где они сливаются в дружеском объятии с венгерскими водами из голубого Дуная.

Е. ГОЛУБЕВ.

«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»

4 стр. 27 марта 1960 г.